

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Сергея Николаевича Слепухина на тему «Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий ‘persona’, ‘res mobilis / res immobilis’))», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Рецензируемая диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографии, Списка принятых сокращений языков, Приложения; Библиография включает 144 единицы печатных изданий и 35 единиц электронных ресурсов; общий объем диссертации (без Приложения) 244 страницы.

Диссертация представляет собой самостоятельное историко-генетическое исследование и описание юридического дискурса через его системное сравнение со структурно-семантическими параметрами естественного языка с целью выяснения социально-коммуникативной спецификации употребления естественного языка в юридическом дискурсе. В диахроническом плане на материале индоевропейских языков (на примере категорий ‘persona’ и ‘res mobilis / res immobilis’) проанализирован процесс концептуализации и стереотипизации основных понятий и категорий юридического дискурса.

Актуальность исследования обусловлена требованиями информационного общества: грамотное обобщение национально-региональных юридических практик, вызванное необходимостью создания единого коммуникативного пространства, должно основываться на знании языковых историко-генетических мотивов в формировании юридических феноменов. В то время как в основе современных правовых систем политически ведущих стран «лежит триада ценностей – индивидуализм, рационализм, национализм» [с. 54], «работы, посвященные исследованию базовых юридических понятий как явлений правовой культуры на основе

лингвистических данных» [с. 5] фактически отсутствуют. «Сегодня юридические тексты создаются и интерпретируются согласно формально-логическим правилам» [с. 107]. Такой подход не может обеспечить детальное рассмотрение феномена юридического мышления, показать специфическую «обусловленность реализации этого типа мышления» [с. 19].

Особая ценность рецензируемой диссертации в ее прикладной профессиональной направленности, что является следствием прецедентного использования автором диссертации лингвистического арсенала при формировании аргументации для конструктивного решения юридических коллизий. Краеугольным камнем в построении всех рассуждений является положение о том, «что онтологической формой существования права является текст с выраженной прагматической составляющей, которая определяет особенности речевой семантики его составных значимых элементов» [с. 119]. Диссертант актуализирует специфику представленности семантической информации в юридическом дискурсе: «естественный язык является планом выражения юридических идей и ценностей, некой правовой реальности;.. юридический язык является метапостроением для языка естественного, т.е. формализованным искусственным языком» [с. 107]. «Языковая специфика юридического дискурса состоит в стереотипности правил, касающихся способов и условий создания, построения и понимания перформативных высказываний, оформляющих судебные, следственные и бюрократические процедуры-ритуалы, и в стереотипности значений терминов материального права, оформляющего объективные общественные отношения. Эта специфика, – отмечает диссертант, – в большинстве случаев не осознается как простыми людьми, которых касается закон, так и профессиональными юристами, создающими, применяющими и интерпретирующими его в соответствии с когнитивными сценариями и механизмами, обусловленными историческими, лингвокультурными предпосылками» [с. 107 – 108].

«...Реализация естественного языка в сфере права, – по словам автора диссертации, – предполагает существование специальных правил, определяющих область его возможных проявлений. Данные правила

рассматриваются в настоящей работе как дискурсивные практики» [с. 20]. Заслугой диссертанта является логически аккуратное (с соблюдением закона тождества) и исследовательски продуктивное пользование введенным в научный оборот Мишелем Фуко термином «дискурсивная практика». На протяжении всего текста данный термин сохраняет авторское толкование, приведенное диссертантом на странице 20: под дискурсивной практикой понимается «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания». Соответственно этому, высказывание рассматривается диссертантом как событие в дискурсивной практике, а не просто «вербальная последовательность знаков» [с. 21].

Отсюда следует нахождение источника стереотипизации, каковым называются цели, которыми руководствуется субъект при осуществлении перформативных высказываний в юридическом дискурсе [с. 40]. Целеполагающие намерения субъекта высказывания диссертант разделяет на три группы по нарративному признаку: 1) воплотить сказанное в действительность путем осуществления социально значимого речевого акта (акты объявления войны, акты завещаний); 2) воплотить сказанное в действительность путем осуществления социально значимого речевого акта с актуализацией лексической модальности обращения к адресату (*прошу суд; требую от тебя*); 3) воплотить сказанное в действительность путем осуществления социально значимого речевого акта с актуализацией императива субъекта (*клянусь, обязуюсь*).

Цели перформативного высказывания (которые в совокупности реализуют основную цель юридического дискурса – регулирование социально значимых отношений) как источник стереотипизации диссертант связывает с выработанным традицией закрытым перечнем *стереотипных коммуникативных стратегий* для достижения этих целей и с *категорией времени* (настоящее или будущее) [с. 44]. Все три взаимозависимых параметра перформативного высказывания: цель, коммуникативная

стратегия, время, – в семиотической совокупности образуют ритуал – фигуру в механизме стереотипизации в юридическом дискурсе. Регулярное осуществление перформативных высказываний путем их ритуального инсценирования ведет к мифологизации всех семиотических составляющих ритуала. Семантическая однородность многократных ритуальных воспроизведений обеспечивается лингвокультурными оппозициями «Свой vs. Чужие» и «Космос vs. Хаос». В пользу этих выводов диссертант приводит снабженный лингвокультурологическими комментариями список лексико-грамматических примеров из индо-арийских языков, древнегреческого, латинского, древнегерманских языков, древнерусского и русского языков [с. 68 – 77].

Следствием продолжающейся репродукции ритуального инсценирования перформативного высказывания (репродукции мифологем) становится формирование правовых понятий (отбор и объединение семантических признаков в составе сигнификативного значения слова) и последующая эволюция этих понятий. Представив обширный демонстрационный материал из правотворческой коммуникации в диахроническом плане, диссертант делает вывод: в семиотическом аспекте общая тенденция эволюции юридических понятий характеризуется ослаблением в плане означаемого и исторической преемственностью в плане означающего. «Характер развития юридического дискурса как метасемиотической системы» определяется динамикой отношений между означаемым и означающим: означаемое – семантический состав юридических идей и ценностей – пребывает в постоянном изменении, а означающее – фонетический и графический образ (с учетом социально-исторических модификаций) «слов, словесных выражений и текстов» [с. 125] – пребывает в неизменности.

Вывод об асимметрии в знаковой конституции юридического дискурса (динамика в означаемом и статика в означающем) в рецензируемой диссертации имеет методологическое продолжение в рассмотрении семантических оппозиций. Основываясь на выявленных Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном принципах описания языковых оппозиций, диссертант

исследует «семантические оппозиции, члены которых являются системообразующими понятиями... права... и имеют кросс-культурную многолетнюю историю своей языковой реализации в юридическом дискурсе» [с. 134]. Среди таковых диссертант актуализирует оппозицию «*движимое имущество vs. недвижимое имущество*» [с. 134]. Дифференцированный состав сем данной оппозиции диссертант рассматривает на примерах из французского, немецкого, английского и русского языков; выявляет внутреннюю форму оппозиции, в качестве каковой видит древнеримскую формулу *res mobilis vs. res immobilis*, которая сама (по результатам проведенного диссертантом историко-генетического анализа) является обобщающим термином в процессе исторической синонимизации именовании действий с общей семой «возможность перемещения вещи при ее передаче участнику сделки» [с. 158].

Рассмотрение проблемы синонимизации имен в диахронической ретроспективе на примере семантической эволюции термина *persona* в юридическом дискурсе позволяет автору вывести весьма важную мыслительную сентенцию: актуальный состав сем в сигнификативном значении термина *persona* является результатом исторической синонимизации знаков вербальной и невербальных знаковых систем (очевидно, благодаря опосредующей функции языка в существовании социального семиозиса) [с. 216].

Надежная степень обоснованности представленных диссертантом выводов (полностью соотносящихся с целью; задачами исследования; положениями, выносимыми на защиту) обеспечивается большим объемом демонстрационного материала.

Цель работы достигнута. Положения, вынесенные на защиту, обоснованы.

Вместе с тем в рецензируемой диссертации есть некоторые моменты, требующие дополнительных разъяснений.

1. Не ясен состав материала исследования. На с. 6 диссертант дает слишком размытое указание: «Материалом исследования послужили древние памятники архаической и классической латыни, древнегреческого языка,

современные юридические тексты на русском, английском, французском и немецком языках; статьи и публикации отечественных и зарубежных исследователей». В Библиографии диссертации источники, послужившие материалом исследования, не выделены в отдельную рубрику.

В тексте диссертации в качестве иллюстративных подтверждений приводятся названия источников, например, Конституция Российской Федерации 1993 года (с. 32; в Библиографии отсутствует) или Свод Законов Российской Империи 1832 г. (с. 141; № 12 в Списке электронных ресурсов); иногда примеры сопровождаются ссылками в квадратных скобках; например, на с. 214 после фразы: «Во II в. н. э. знаменитый римский юрист Гай констатирует: «... totum gentilicium jus in desuetudinem abiisse... (... все родовое право вышло из употребления...)», – следует ссылка [Кофанов 2010: 41], соответствующая в Библиографии указанию (№ 49) на статью Л.Л. Кофанова «Государственные контракты в римском республиканском публичном праве». Данная фраза существует по указанным реквизитам. Она помещена Л.Л. Кофановым в постраничных сносках.

2. Понимание диссертации осложнено какофонией в употреблении юридических и лингвистических терминов. В частности, апелляция в названии диссертации к индоевропейской языковой семье (*индоевропейские механизмы*; индоевропейцы – общность исключительно языковая, которая включает в себя несколько языковых *групп*, среди которых есть *романская* и *германская*) и употребление диссертантом на протяжении всего текста таких терминов, как *романо-германская семья*, *англо-саксонская семья*. Когда речь идет о сравнительно-историческом языкознании (индоевропейская семья), когда – о сравнительном правоведении (романо-германская правовая семья, англо-саксонская правовая семья)? В общем-то оправданное сближение этих терминов в одном контексте не вызвало бы читательского недоумения в случае наличия объяснительной преамбулы.

К продолжению вопроса о терминах: как понимать такой пассаж на с. 177: «слово *persona* в юридическом дискурсе Древнего Рима относится к сигнификативной группе лексики»?

3. Оппозиция *свои – чужие*. На с. 68 диссертант пишет (высказывание выделено диссертантом жирным шрифтом): «Таким образом, одной из наиболее устойчивых констант индоевропейской культуры в сфере осмысления внешнего (по отношению к самому человеку) мира является понятие о мире как об огороженном упорядоченном пространстве, в котором живут “свои”». Однако оппозиция *свои – чужие* является абсолютной универсалией практической морали, представленной устной словесностью. Речь может идти только о дифференциации семиотического контента *свои – чужие*.

4. Требуется разъяснения композиционная логика изложения материала исследования.

Объект и цель исследования существуют в отношениях метонимии; для сравнения: «Объектом настоящего исследования являются лингвокультурные предпосылки возникновения и развития в индоевропейской традиции юридического дискурса как метасемиотической системы на базе естественного языка» [с. 6]. И «Основная цель настоящего исследования – раскрыть лингвокультурные предпосылки генезиса и концептуализации юридического дискурса в индоевропейской культуре,...» [с. 7].

Содержание части 1.2 *Стереотипность ритуального речевого поведения и вектор его семиотической эволюции* [с. 107], возможно, стоило переместить в начало главы, поскольку в параграфе раскрывается значение ключевого термина, входящего в название диссертации. Понятно, речь идет не о примитивном механическом перемещении.

Высказанные замечания, одновременно с указанием на логико-стилистические погрешности, свидетельствуют о самостоятельности диссертанта, новизне проведенного им исследования. Диссертация выполнена на высоком теоретическом уровне, прошла необходимую апробацию. Содержание автореферата представляет собой изложение основных идей и выводов, развернутых на страницах диссертационной работы. В связи с общим направлением на обеспечение и повышение эффективности правовой коммуникации на основе лингвистических методов,

диссертация имеет большое практическое значение; а также является предпосылкой для создания лингводидактических материалов в аспекте социальной регуляции.

Диссертация Сергея Николаевича Слепухина на тему «Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий 'persona', 'res mobilis / res immobilis')» соответствует Положению о порядке присуждения ученых степеней, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Автор отзыва:

Субботина Марина Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры коммуникационных технологий федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева».

Почтовый адрес:

428000, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, д. 38

Телефон: (8352) 62-03-12

Адрес электронной почты: ocean7@yandex.ru

Официальный оппонент,
доктор филологических наук

10.09.2014.

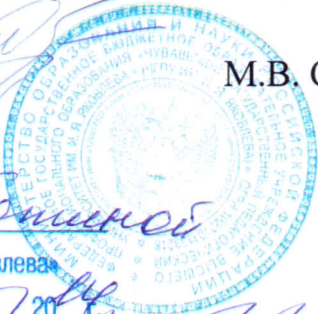
Подпись

ФГБОУ ВПО «ЧГПУ им. И.Я. Яковлева»

ЗАВЕРЯЮ «10» 09/2014

Нач.общ.отдела

М.В. Субботина

Подпись: М.В. Субботина

Подпись: [Signature]